

Виктор ДЪЯКОВ

**ДЕЛО
ПРАПОРЩИКА
КУДАШКИНА**

Виктор Дьяков

Дело прапорщика Кудашкина

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Дьяков В. Е.

Дело прапорщика Кудашкина / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2003

Действия повести происходят в Перестройку и годы ей предшествующие. Заведующий складом стрелкового вооружения прапорщик Кудашкин, воспользовавшись обстоятельствами, собирает из запчастей и выносит из воинской части неучтенное боевое оружие, карабин. Оружие ему нужно не на продажу и не для совершения разбоев. Кудашкин, фактически инвалид и по жизни во всех отношениях "маленький" человек, тихий, скромный. Он в одиночку воспитывает дочь и испытывает чувство стыда, что не сможет быть ей достойным отцом и в случае необходимости защитить.

ДЕЛО ПРАПОРЩИКА КУДАШКИНА

повесть

Претворить в жизнь, вынашиваемую с некоторых пор, идею обзавестись личным оружием, прапорщик Семён Петрович Кудашкин решил в 1987 году, за два года до своего увольнения в запас. В тот ничем не примечательный осенний день его вызвал заместитель командира полка по вооружению и, указывая на лежащие в углу кабинета три искорёженные гусеницами БАТа карабина СКС, спросил с сомнением в голосе:

– Глянь Петрович. Может, починишь... хотя бы один?

Кудашкин, присев на корточки, внимательно, поочерёдно осмотрел неодошевлённые жертвы только что закончившихся полковых учений. Тяжело, уперевшись рукой в паркет пола, он встал и, беспомощно разведя руки, ответил:

– Вряд ли, товарищ подполковник. Уж больно повреждения серьёзные, вона как их, – в голосе слышалась искренняя жалость, не перебивающая, в общем, смиренно-уважительной интонации, появлявшейся в голосе Кудашкина при общении с интеллигентным начальством, которое в полку прежде всего олицетворял зам. командира по вооружению, или проще, главный инженер полка. – Но я попробую что-нибудь, – готовность сделать всё от него зависящее, запечатлелось на уже изрядно изборождённом морщинами сероватом лице прапорщика, отчего он казался значительно старше своих сорока с небольшим лет.

– Да, возьми, попробуй. А не получится, чёрт с ними, спишем, – махнул рукой грузный лысоватый подполковник.

Они были ровесники, но лицо подполковника в противовес кудашкинскому смотрелось совершенно гладким, лишённым морщин и обвислости кожи. Лишь его неестественная краснота, переходящая в моменты чрезвычайного волнения или гнева в багровость, говорила, что и у главного инженера со здоровьем не всё в порядке. Впрочем, сейчас он казался спокойным, даже удовлетворённым, совершенно не мучимым думами об угробленных карабинах. Основанием для хорошего настроения служили успешно завершившиеся учения. Это обстоятельство сулило подполковнику осуществление его долгожданного перевода в штаб "корпуса". Перевода хоть и без повышения, зато в большой город и, главное, на спокойную, не нервотрёпную должность, позволяющую без укорота своего века дослужить до пенсии – естественное стремление любого офицера, осознающего себя уже "сошедшим с дистанции", ведущей к генеральским, или хотя бы к полковничьим должностям. Ну а то, что трое первогодков вместо того, чтобы при перетаскивании кабелей от РЛС, забросить карабины за спину, просто побросали их на землю, дабы не мешали, а механик-водитель БАТа их не заметил... Так этого посредники из вышестоящего штаба никак не могли заметить, ибо к тому времени были уже основательно "угошены" и посему и видели, и передвигались с трудом.

В общем, оценка учений оказалась положительной, а потому можно тихо, без лишней огласки списать эти злополучные карабины. Слава Богу, восьмидесятые не шестидесятые, когда начинали служить и подполковник и прапорщик. Оружия стало много, а вот укомплектованность режимных частей личным составом с каждым годом проходила всё труднее: упала рождаемость, много призывников "косило" от службы. В шестидесятых совсем иначе обстояло – за оружие могли с командиров скорее голову снять, чем за раздавленного теми же гусеницами солдата. Ко всему ценность человеческой жизни во внутренних военных округах подняла афганская война. Потери в Афганистане заставили высокое армейское руководство требовать от командиров частей на территории Союза полностью исключить гибель личного состава, дабы общая картина со смертностью в вооружённых силах казалась не столь удручающей.

Семён Петрович, опираясь на свой более чем двадцатилетний опыт службы, понимал, что подполковник не станет требовать от него обязательного восстановления этих карабинов. Тем

более, что на своей нынешней должности Кудашкин прямого отношения к ремонту карабинов не имел, ибо являлся заведующим склада стрелкового вооружения. Причина же, по которой именно ему, время от времени поручали чинить все эти СКСы, ПМы, ДШК, РПК и прочие, находящиеся на вооружении полка карабины, пулемёты и пистолеты заключалась в том, что ранее он без малого десять лет был техником по ремонту стрелкового оружия. Именно тогда Семён Петрович и выучился этому делу. Должность техника по ремонту сократили в конце семидесятых. На складах в войсках накопилось столько оружия, что проще и дешевле стало обменивать изношенное и повреждённое на новое, нежели чинить. Но всё-таки Кудашкина по старой памяти, иной раз вот так обязывали устранять какие-нибудь мелкие повреждения: заменить треснувший приклад, сломанный предохранитель, слишком тугую, или наоборот, слишком слабую пружину, выверить мушку. Для этих нужд у Семёна Петровича имелся набор специнструментов и запасных деталей.

У себя на складе, в огороженном закутке, оборудованном под мастерскую, Кудашкин скрупулёзно исследовал повреждённые карабины и пришёл к выводу, что подбирая недеформированные детали из всех трёх один исправный собрать, пожалуй, можно. Однако окончательная подгонка и доводка потребует немало времени. С учётом того, что полк вот-вот соби- рались полностью перевооружить на автоматы АКМ, смысла в той работе не было и конечно зам. по вооружению предпочтёт просто списать карабины с книг учёта. И вот тут у Кудашкина и родилась эта самая мысль, обзавестись, используя подходящий момент, личным карабином. Его план основывался на докладе главному инженеру о невозможности восстановления ни одного из "калек" – это кроме самого Кудашкина никто проверить не мог. Но списание процесс долгий, а раз так, то всё это время повреждённые карабины будут находиться у него на складе, и он успеет собрать из трёх один исправный, довести его до ума, пристрелять, а затем, разобрав, вынести из полка по частям, спрятать дома и там хранить до своего увольнения из армии.

Зачем!? Ведь это страшный риск, держать дома не зарегистрированное, более того фактически похищенное оружие. Даже на охоту с ним не сходишь, к тому же Кудашкин не был охотником. Да и вообще Семён Петрович являл собой пример дисциплинированного, законопослушного, боящегося власть и начальство человека. Тем не менее, именно у него возник этот план, потому как он почему-то считал, что оружие ему в будущем обязательно понадобится...

2

Сколько себя помнил Семён Петрович, преобладающим чувством, определяющим в значительной степени его поведение, было чувство постоянной боязни. В детские годы низкорослый, щуплый, неагрессивный Сёма побаивался едва ли не всех мальчишек из своего и окрестных барачков, в котором ютилась его семья. Таких как он буквально с малых лет "забывали" более сильные, смелые, бойкие, которые к тому же в отличие от необщительных тихонь быстро сбивались в шпанецкие кодлы. Что касается родителей... В тех бараках, в общем, взрослые не встречали в ребячьи разборки, да и не до того было. Здесь жили тяжело добывающие свой скудный хлеб люди. От того, что родители страшно урабатывались за день у многих бытовало этакое равнодушие к собственным детям. Во всяком случае, у родителей Сёмы не возникало даже желания выяснить почему их сын приходит домой с расквашенным носом, или синяком. Они даже осуждали, если какая-нибудь мать, повинувшись ещё не до конца утраченному инстинкту защиты потомства, бежала ругаться с родителями обидчиков своего ребёнка. У каждого из предков Семёна имелась на этот счёт своя "философия".

– Мы люди тихие и ты тихий, тебе с ловченными не сладить. Всегда уступай сынок, – часто напутствовала его мать.

– Уж лучше отступись, лишь бы битую не быть, – вторил ей отец.

При этом родитель оправдывал своё серое существование в жизни:

– Вот я, хоть и не выбился никуда, зато битым сроду не был.

Таким образом, с детства общество в сознании Семёна делилось на три социальные категории: наверху начальники, потом ловченные или бойкие, которых впоследствии стали именовать "крутыми", и ниже всех такие же как он "смирные", которых позже стали называться "лохами". Именно этой специфической градации общества интуитивно придерживался Семён, а не официальной советской: рабочий класс, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция. Дружбу он водил с такими же как он ребятами, старался ни в чем не заступать "дороги" школьным и дворовым лидерам, как официальным пионерско-комсомольским, так и неофициальным шпанецким. Учился Семёна неважно, но благодаря примерному поведению и усидчивости его ни разу не оставили на второй год, и он благополучно на тройки дотянул восемь классов. Потом он поступил в ПТУ при химкомбинате, на строительство которого завербовались после войны молодожёны, мать и отец Семёна. По окончании строительства они здесь же и остались работать. На комбинат после ПТУ пошёл и Семён, а потом призвался в армию. Скромные физические данные, скромный характер и необщительность – качества, которые обрекали Семёна Кудашкина на роль аутсайдера в любом коллективе. Но в такой коллективистской стране как СССР избежать коллектива оказалось невозможно. Подобная участь подстерегала и его младших брата и сестру. Брат так же был хлипок и ещё в большей степени испытывал проблемы с учёбой, в породу пошла и сестра, болезненная и некрасивая. В отличие от Семёна, младшим учителя не благоволили, и им каждому пришлось побывать в роли второгодников, даже ПТУ им оказалось не под силу. Мать иногда, во время праздничных застолий пускалась в более пространные объяснения проблем детей, да и своих заодно, обосновывая, опять же, всё наследственным фактором:

– У меня ведь вся родня такая, кого ни возьми. И головы у всех плохие и руки не больно проворны. А самое, что плохо, уж тихие мы больно, безответные, нас всегда и обойдут и обманут...

Отец не был столь критичен к природным данным своей родни, но жену по-своему и тут поддерживал:

– Да уж, кому как на роду написано, кому с кабинету командовать, а кому всю жисть во вредном цеху.

В то же время он обижался на своих предков, непоколебимо веря, что у них имелись возможности "выйти из грязи":

– Была в революцию заваруха, людишки снизу вверх и наоборот сигали. Кто тогда сумел в начальства выйти, они и для детей и внуков места хорошие застолбили. А мои, вот, не смогли, проморгали, так и остались в навозе. А сейчас что, сейчас уже ничего не сделаешь, сейчас ни снизу вверх, ни сверху вниз, всё устоялось, следующей заварухи ждать надо, а она может через сто лет, а то и боле будет. И вам ребята такая судьбина, как не рыпайтесь, вредного цеху всё одно не минуете.

Отец такое начал говорить, конечно, уже после 1956 года и только в приличном подпитии. Позже от матери Семён узнал причину этих отцовских словоизлияний, рискованных даже для "оттепельных" времён, сопровождаемых размазыванием по лицу пьяных слёз вперемешку с соплями. Претензии же отец имел к своему отцу, деду Семёна, погибшему на войне. Тот в двадцатых годах возглавлял комсомольскую ячейку в родном для обоих родителей селе на Тамбовщине. Во время семейных ссор отец не раз недобрым словом поминая родню матери говорил, что никогда бы её не сосватал, кабы его родитель сумел с комсомола затем перебраться в руководство сельсовета или колхоза. Тем не менее, свою родню он слабоголовой не считал, виня в основном лишь судьбу, случай. Но вот чтобы самому как-то изменить сложившееся положение вещей, он так и не сподобился, утешая самого себя мыслью, что де исторический момент упущен его отцом, а сейчас уже поздно, рвись не рвись, всё одно не выпрыгнуть.

Если мысли, типа определения своих детей, например, в техникум или институт и посещали обитателей бараков, то это были единичные случаи, к тому же тщательно скрываемые, ибо всё, что с этим связано: накопление денег, зубрёжка учебных дисциплин, это не поощрялось большинством барачного "общества". Здесь естественным и общепринятым считалось деньги пропивать, а в детской среде, особенно в мальчишеской, целыми днями гулять на улице, не учить уроки, само собой, плохо учиться, и, в конце концов, идти работать на градообразующий комбинат, через профильное ПТУ, или без оно. Ну, а вершиной, пределом мечтаний в достижении жизненных благ считалось получение от того же комбината благоустроенной квартиры с тёплым сортиром и горячей водой в кране...

Так и Семён после окончания ПТУ при комбинате, которое здесь по старинке именовали ремеслухой, распределился в один из многочисленных "вредных" цехов. В том цеху давали молоко, разбавленное конечно, но уже после трёх-четырёх лет работы все без исключения рабочие вместе со стажем зарабатывали себе начальные стадии целого сонма труднопроизносимых и быстро прогрессирующих специфических болезней. В цеху Семён проработал меньше года, до призыва на действительную службу. Но даже этого непродолжительного срока оказалось достаточно для возникновения у него твёрдого убеждения – никогда больше в этот цех, на этот комбинат не возвращаться. Вроде бы вполне здравая и естественная мысль, тем не менее, не вписывалась в миропонимание большинства окружающих... тех кто заботу о самих себе привычно перепоручали начальству, государству, в разговорах же нещадно хуля их за свою плохую жизнь. Фактически едва ли не все стороны их жизни "корректировали" всевозможные начальники.

У родителей Семёна первыми такими "корректировщиками" стали вербовщики, приехавшие в село, где они только отгуляли свою свадьбу. Шёл сорок пятый год. Война "прибрала" и деда Семёна и двух дядёв, братьев отца и матери. Отца уберегла комбайнёрская бронь. Мужиков в колхозе почти не осталось, а план, особенно по хлебу требовали кровь из носу, грозили всевозможными карами вплоть до НКВДешных. В общем, отцу показалось, что на стройке будет легче. Да и его молодая жена тоже не горела желанием за пустые трудовни под коровами горбатиться. Имелась, правда, с её стороны и ещё одна причина, по которой она была не прочь поскорее покинуть родное село – большое количество вдов и свободных девок при возникшем после войны остром дефиците мужиков и парней. Но официально всё выглядело едва ли не геройством – по зову партии и комсомола ехали строить гигант отечественной индустрии. С тех пор родители Семёна привычно шли куда пошлют, вроде бы ища где лучше, но почему-то всё время оказывался на самых вредных и тяжких работах. И уже будучи в годах, не в состоянии что-то изменить, они в качестве утешения и оправдания перед собой и детьми придумали каждый себе схожие и отличные одновременно "теоретические обоснования" проживаемой ими столь серо жизни.

Семён родился в 1946 году, когда комбинат ещё строился, брат и сестра позже, когда родители в очередной раз поверили агитаторам, их уверениям, что работа на возводимом ими комбинате будет и нетрудная, а главное, очень хорошо оплачиваемая и со временем всем обязательно предоставят благоустроенные квартиры. Они остались...

В отличие от Семёна, его брат и сестра полностью уверовали в "философию" родителей и без колебаний связали и свои жизни с комбинатом, производящем различные неорганические продукты, в перечне которых были и сверх секретные элементы оружия массового поражения. Родители так и умерли, верные своим воззрениям на жизнь, в том же бараке, не дотянув даже до пенсии, так и не осуществив свою главную мечту жизни – понежиться на старости лет в тёплой ванне, туалете. Комбинат был огромен, тысячи рабочих, а жильё строили как обычно, по остаточному принципу. Вслед за смертью родителей погиб и брат, едва вернувшийся из армии – в цеху случилась авария. Сестре относительно повезло, она сумела устроиться не в

цех, а в одну из лабораторий, где сначала работала мойщицей пробирок, а потом "выросла" до лаборантки...

Впрочем, последние события произошли уже в отсутствие Семёна. Он резким "гребком" выплыл из этого "судьбоносного" потока – как ушёл в армию, так в ней и остался. Однако и в армии поначалу он занял привычное место аутсайдера. Но постепенно, благодаря исполнительности и трудолюбию, ближе к концу срочной службы он был уже на очень хорошем счету. Армия показалась ему куда более пригодной для существования, чем химкомбинат. Следствием этого явился рапорт ефрейтора Кудашкина, с просьбой оставить его на сверхсрочную службу, что вызвало положительные отклики у командования части.

Самыми важными "кусковскими" должностями в советской армии считались старшинские, но самыми "хлебными" являлись, конечно, должности заведующих продовольственными и вещевыми складами. Именно эти престижные сверхсрочники, а впоследствии прапорщики имели возможность помимо получения денежного довольствия, "кормиться" непосредственно от места. Скромному Кудашкину, конечно, такая "золотодонная" должность не светила. Другое дело старшинская. Несмотря на самый высокий должностной оклад "куски" в старшины не рвались – уж больно нервная и хлопотливая работа. То, что Кудашкин по своему характеру совсем не годился в старшины, полковое командование не смущало. Ведь им просто нужен человек, должностное лицо, на которого можно "повесить" ротное имущество, и с кого можно спросить за внешний вид солдат и порядок в казарме. Так Кудашкин стал старшиной автороты, от которой открещивались все полковые сверхсрочники и старые и молодые. А вот Семёна удалось уговорить – он всё-таки унаследовал от родителей это качество, начальству всегда уступал.

На той, своей первой "кусковской" должности Кудашкин пробыл всего чуть больше года и, конечно, с обязанностями не справился. Что такое старшина да ещё в шоферском подразделении? Это голос, матерщина, пудовые кулаки. Увы, ни одним из этих "достоинств" Кудашкин не обладал. За год "старшинства" он оброс взысканиями, его постоянно склоняли на всех полковых собраниях и совещаниях, из его денежного довольствия регулярно производили вычеты за пропавшие полотенца, простыни, бушлаты... Неизвестно чем бы всё это кончилось, скорее всего Семён не выдержал бы и расстался с армией. В общем, как говорить, от судьбы не уйти, всё одно возвращаться на Родину, на химкомбинат, если бы...

3

Доклад Кудашкина о невозможности восстановления карабинов, как и положено, запустил бюрократическую машину. Зам. по вооружению дал команду начальнику службы РАВ подготовить и отправить в Округ соответствующие документы на списание. Где-то месяца через три эти бумаги вернулись со всеми нужными резолюциями, печатями, подписями и предписанием отправить повреждённое оружие на окружные склады с одновременным списанием с книг учёта части.

Семён Петрович за годы своей оружейно-ремонтной деятельности накопил приличный запас неисправных деталей от СКС. Ему, иной раз, приходилось даже целиком вытачивать на токарном станке и шлифовать наждачкой эти детали взамен неисправных, которые он не выбрасывал, словно предчувствуя, что пригодятся. Пригодились – сейчас он уцелевшие компоненты карабинов заменил неисправными из своего запаса. Таким образом, Кудашкин отправил в Округ три почти полностью негодных комплекта. Ну, а из извлечённых таким образом неповреждённых деталей он собрал карабин, не значащийся ни в одной учётной книге – свой собственный.

Работал Кудашкин осторожно, обязательно заперев дверь склада, в постоянном напряжении слуха. Если кто-то подходил к дверям, то он моментально сворачивал лежащие перед ним детали и инструменты в заранее разостланную плащ-палатку, и тут же всё прятал в порожек

ний оружейный ящик. Ещё никогда Семён Петрович не трудился с таким вдохновением. Осознание работы только на себя включает психологические рычаги, обеспечивавшие и производительность и качество. Скупулёзно, с любовью он соединял, подгонял приклад и затвор одного карабина со ствольной коробкой второго и газовой камерой третьего. Кое что пришлось подтачивать тончайшим надфилем, а несъёмный складной штык за ненадобностью отпилить. После сборки оставалось лишь пристрелять карабин – Кудашкину нужно было абсолютно точное оружие.

А пока что карабин он уложил в один из ящичков, где хранилось оружие НЗ. Кудашкин ничуть не опасался, что его может здесь кто-то обнаружить. Оружейный склад уже несколько лет никто по настоящему не проверял кроме его самого. А начальник службы РАВ, безгранично ему доверяя, лишь подмахивал инвентаризационные ведомости, ничуть не сомневаясь в соответствии цифр с наличностью хранящегося на складе оружия и боеприпасов. Впрочем, так оно и было на самом деле. Кудашкин окончил сборку своего карабина 15 сентября 1988 года. В этот день вот уже четыре года он посещал кладбище, ибо то был день смерти его жены...

Город, вернее городок, где дислоцировалась часть, в которой служил прапорщик Кудашкин, возник в результате строительства довольно крупной ГЭС, знаменитой не столько суммарной мощностью турбин, сколько своей почти стометровой высоты плотиной. Строительство происходило на рубеже пятидесятых и шестидесятых, наивысшей точки гидростроительной лихорадки в стране. Вслед за ГЭС возвели несколько небольших, но энергоёмких предприятий, а вокруг и рядом вырос город, на окраине которого и была размещён зенитно-ракетный полк для защиты плотины от нападения воздушного супостата. Энергоград вытянулся вдоль реки на узкой полоске ограниченной горами, упираясь "головой" в плотину, а "ногами" в воинскую часть. Самым заметным зданием в городе была горбольница, построенная возле самой реки на возвышенности, некое подобии берегового утёса и оттого видимая издали, словно башня маяка. В той больнице впервые и встретились Семён и Нюра. Он попал сюда после тяжелейшего дорожно-транспортного происшествия, а она в результате, так называемой, производственной травмы. Что касается Кудашкина, то случившееся с ним случайностью не было, но знали об том немногие, в том числе и он сам.

В шофёрской среде, особенно в молодёжной, нередко случаются те самые бойкие, боевые, ловчанные, а по научному, склонные к девиантному поведению особи, которым Семёну мать советовала всегда и во всём уступать. О том же говорило и то, что авторота в полку приносила львиную долю нарушений воинской дисциплины. Так обстояло и до Кудашкина, и при нём... и после. Ко всему, полное несоответствие Кудашкина облику и подобию старшины провоцировала оторвил-шоферов на всевозможные пакости в его адрес. Часто это делалось просто так, без повода, из озорства, желания "достать кусяру". Одной из немаловажных причин, толкавших наглое шофёрское воинство на подобные "акции", явилось то, что Кудашкин никогда не распускал руки, и не только потому, что был несилён, но и от того, что психологически не мог ударить первым. В полку же это неофициально считалось проявлением трусости – если офицер, или прапорщик не бьёт морды солдатикам, то он слабый, плохой командир. Как ни странно, такое мнение было распространено не только среди офицеров и сверхсрочников, но и у срочников, где процветал сержантско-стариковский мордобой.

Трусом, рохлей, тихушником слыл среди своих подчинённых и Кудашкин. Ему постоянно делали большие и маленькие подлянки: издевательский смех за спиной и в глаза, передразнивание из строя во время проведения вечерней поверки, игнорирование его распоряжений, "вещевые диверсии" и т.д. Это уязвляло куда сильнее, чем взыскания, вычеты и устная ругань начальства, начиная от ротного и кончая командиром полка. Он долго молча терпел, хотя и вычислил тех, кто ему особенно "вдохновенно" гадил: воровали новое постельное бельё,

полотенца, бушлаты, котелки, вещмешки и продавали их вместе с ворованными запчастями к автомобилям гражданским за забором части, меняли на водку и самогон...

Сначала Кудашкин по неопытности надеялся, что самые злостные его недоброжелатели, которые помнили его ещё солдатом, уволятся и станет легче. Но эстафету уволившихся "стариков" тут же подхватили не менее бойкая поросль из бывших "годков" и всё повторилось. В конце-концов Семён вызвал к себе в каптёрку на откровенный разговор наиболее авторитетных нарушителей и заявил, что всё про них знает, и если они не угомонятся и не успокоят остальных, то он доложит об их регулярных самоволках и криминальной "торговле" прямо в политотдел, минуя ротного, который такого рода сор "из избы не выносил". Кудашкин никого не собирался "закладывать", тем более подводить командира роты и всю автослужбу полка, которая, разразись такой скандал, была бы просто сметена всеильным Политотделом брежневской эпохи. Он просто надеялся, что наиболее злостные нарушители испугаются и в роте появится, наконец, возможность наведения хоть какого-то подобия воинской дисциплины. Но "ловченные" не поняли его намерений и порешили действовать в ответ ещё более жёстко – так пугнуть "кусяру", чтобы у него раз и навсегда пропала охота "закладывать".

В тот памятный день колонна транспортно-заряжающих машин совершала тренировочный марш в окрестностях Энергограда. Маршрут в основном пролегал в горах и самыми сложными участками считались "серпантины", где дорога с одной стороны ограничивалась отвесной скалой, а с другой обрывом или пропастью. Кудашкин ехал старшим на замыкающей машине, которую напросился вести вместо вдруг заболевшего штатного водителя один из тех, кого он предупреждал в каптёрке, конопатый сержант с постоянно рыскающими злыми глазами. Семён не придавал значения этой странной замене водителя. На одном из затяжных "серпантинов" замыкающая машина отстала от колонны и молчавший до того сержант, ведя ЗИЛ вблизи обрыва, кривя веснушчатое лицо в презрительной усмешке зловеще-весело заговорил:

– Что-то не нравишься ты мне старшина в последнее время!

Семён, укачанный беспрерывно чередующимися подъёмами и спусками, горной круговертью, в полудрёме неспешно обдумывал давно уже мучавший его вопрос: подавать, или ещё обождать рапорт об увольнении со сверхсрочной. Потому, лишь после неожиданных, как по содержанию, так и по тону, слов сержанта он увидел, что прямо под ним простирается бездна. Сержанта, видимо, не устроила слишком замедленная реакция на его недвусмысленный намёк, и он решил ещё "поддать страху":

– Ну, так что, старшинка хренов, как насчёт того, чтобы вниз сигануть, слабо, а?!...

Невероятно, но всегда всего опасавшийся Семён сейчас совсем не испугался. Как-то сама собой из его общей усталости родилась мысль: "Зачем думать как дальше быть, решать все эти настоящие и будущие проблемы? Куда проще всё кончить разом, не мучиться без толку, уж больно тяжело жить". Промелькнувшее в сознании проявилось лишь в улыбке на его худом лице с отчётливо проступившей щетиной, улыбкой не геройской, не отчаянной, а усталой, безнадёжной...

Марш продолжался уже вторые сутки. На ночь остановились возле горной речки. Все начальники "приняв на грудь" повалились спать, а Кудашкин полночи организовывал дежурную службу, проверял сохранность "висящих на нём" палаток, шанцевого инструмента и прочего ротного имущества. Заснул он лишь под утро, еле встал, не успев ни отдохнуть, ни побриться.

Возможно, что состояние Кудашкина, эта выражающая, что угодно только не страх устало-спокойная улыбка, оказали столь завораживающее действие на сержанта. Он никак не ожидал, что старшина, которого считали самым "сыкливым" куском в полку, так отреагирует на его угрозу – ведь обрыв был со стороны старшины и водитель мог просто выскочить на дорогу, пустив машину в пропасть вместе с Кудашкиным. Сержант, видимо, на мгновение дольше чем

нужно вглядывался в безразличную улыбку старшины, а может быть, сев за баранку чужой машины, он не успел как следует привыкнуть к её особенностям, норову, люфту руля...

Обрыв оказался метров сорок. Машина и прицеп, предназначенный для транспортировки боевых ракет, разъединившись, с жутким грохотом сделали несколько оборотов, разбирающая по пути детали и такелаж. Сержант, как это нередко бывает в таких случаях с водителями, отделался лишь ушибами и сотрясением мозга, ибо судорожно вцепился в руль и таким образом удержался в кабине, которую на его счастье не смяло. А вот Кудашкина из неё выбросило на втором витке и при этом вскользь приложило подножкой по спине. Потом, как принято, говорили, что он родился в рубашке, ведь могло и не подножкой и не вскользь... Впрочем, позвоночнику и так досталось, плюс сломанные рёбра, в нескольких местах нога, тяжелейшее сотрясение и вывихи...

4

Очнувшись в больничной палате, недвижимый, перебинтованный, весь в шинах, с подвешенной ногой... Семён сквозь марево смога, обволакивающее его чуть теплящееся сознание, через лабиринт обрывочных, сумбурных воспоминаний неизменно приходил к одной и той же успокаивающей мысли: ну вот и всё – отмучился. Это состояние продолжалось недели две, пока его кормили с ложечки, подсовывали под него "утку" и вместе с кроватью возили на рентген. Потом, когда стало ясно, что он таки "зацепился" на этом свете, Кудашкин искренне об этом пожалел, ибо больше всего боялся остаться никому не нужным беспомощным калекой. Потом сделали операцию на позвоночнике и он стал ощущать свои ноги. Затем пришлось прооперировать не желавшую срастаться ногу, в результате чего она стала короче. На костыли встал ещё месяца через три, когда немного окреп.

Осваивая азы ходьбы с помощью подпорок, Семён и повстречал в больничном коридоре девушку занятую тем же. Нюра попала в женскую травматологию после падения с лестницы на работе – она трудилась маляром. Больничный коридор и стечение отнюдь не радостных для них обоих обстоятельств создали те единственно возможные условия, при которых эти два крайне необщительных человека нашли друг друга. Впрочем, на этих совместных костыльно-коридорных прогулках о будущей женитьбе не было сказано ни слова. Кудашкин ещё не представлял, чем кончится его лечение, что с ним будет дальше. Ну, а Нюра, та вообще по ряду объективных причин не надеялась когда-либо выйти замуж. Им обоим исполнилось тогда по двадцать три года, но их разговоры не по возрасту отличались приземлённостью, о "болячках", тяготах жизни, работе... Они говорили о чём угодно только не о том, о чём говорят, встречаясь, абсолютное большинство парней и девушек их возраста. Нюра выписалась гораздо раньше Семёна. Навестить его она постеснялась, а он и не обиделся, и если бы она пришла, наверное, очень бы удивился.

Из больницы Кудашкин выписался уже зимой после десятимесячного лечения. Вышел на своих ногах, но ходил плохо и смотрелся постаревшим, изнурённым. Его сразу направили в окружной госпиталь, на предмет определения возможности продолжения им службы. И здесь, пожалуй, впервые в жизни, Кудашкину повезло по-крупному, будто, до того только хмурившаяся судьба, вдруг, ни с того, ни с сего, широко от души ему улыбнулась. Пожалел Семёна начальник окружной медкомиссии, чем-то понравился он полковнику-медику в больших очках.

– И куда же ты пойдёшь такой, если мы тебя комиссуем?– в лоб спросил Кудашкина полковник, оставшись с ним наедине в своём кабинете.– Профессия-то у тебя гражданская есть?

Помедлил с ответом Семён, понял, что маршрут его дальнейшего жизненного пути намечается сейчас, здесь.

– Есть, но с моей специальностью только на хмпредприятии во вредном цеху можно работать.

– Даа... плохо дело, – врач то и дело поправляя очки перелистывал лежащую перед ним медицинскую книжку Кудашкина. – До пенсии тебе, сам понимаешь, далеко. Инвалидность мы тебе оформить можем, но так, боюсь, ещё хуже получится, ты ведь за неё копейки получать будешь, а на работу нормальную не устроишься.

Полковник что-то сосредоточенно обдумывал, а Семён в своей больничной робе ёрзал перед ним на стуле, словно порывался вскочить и встать по стойке "смирно", что в его положении сделать было крайне трудно.

– Ладно, возьму грех, – изрёк, наконец, полковник и внимательно посмотрел в глаза замревшему Семёну. – Есть тут зацепка небольшая, но ты уж меня не подведи, – и словно спохватившись спросил: – А ты служить-то хочешь?

– Хочу, – чуть слышно выдохнул Семён.

Сейчас, когда перед ним замаячила перспектива возврата в родной Химгородок, да ещё в качестве инвалида, он без колебаний был готов терпеть издевательства, выговоры с руганью, вычеты из зарплаты – только не назад, не туда где родился и вырос. Даже "смертельный номер", полёт с кувырками на машине в обрыв, казалось ему меньшим злом, чем химкомбинат, барак, его обитатели и нравы.

Кудашкин не сразу осознал, что означает вердикт "годен к нестроевой". Понял уже в полку, когда там стали ломать головы, куда его пристроить, ведь нестроевых должностей в линейных частях несущих боевое дежурство нет. Но сплавлять куда-нибудь в военкомат, где часто находили пристанище именно таковые полукалеки, его не захотели. Семён же уяснил из всего этого одно – старшиной ему уже точно не быть. Тогда ему и предложили эту должность, техника по ремонту стрелкового оружия. В полку вообще не хватало сверхсрочников, потому командование решило придержать дисциплинированного, непьющего Кудашкина, словно забыв, что всего год назад его же "мешали с грязью". Уговорили Семёна без особого труда. Должность без подчинённых, спокойная. При этом пообещали, что ни на какие строевые занятия, смотры, марши, учения и прочие подобные мероприятия его не привлекать. Но что больше всего понравилось Кудашкину, так это освобождение от едва ли не самой тяжёлой служебной тяготы любого военнослужащего – нарядов на службу. То есть ему всего-то и дел, овладеть новой профессией, и сиди себе в мастерской да чини не спеша все эти карабины, пулемёты... Не раз добрым словом поминал Семён своего благодетеля в белом халате.

От всех этих положительных событий у Кудашкина даже самочувствие улучшилось, казалось, уже не так напоминала о себе ноющей болью укороченная нога, искривлявшая и без того пострадавший позвоночник. У него появилось нечто похожее на "вкус к жизни", он, в какой-то степени, даже ощутил себя вновь молодым и относительно здоровым, что предопределило возникновение естественных желаний... Семён вспомнил Нюру, с которой познакомился в больнице, ведь больше-то знакомых девушек у него и не было. Найти её не составляло труда – в единственном в городе женском общежитии все незамужние малярши жили в одной комнате. Период ухаживания длился недолго, три месяца...

Непрезентабельной смотрелись они парой: невзрачный болезненного вида, припадающий на одну ногу сверхсрочник и столь же некрасивая, остролицая и тоже далеко не "кровь с молоком" работница с большими неженскими руками в крапинках въевшейся в кожу краски. Нет, они не походили на влюблённых, испытывающих страстную тягу друг к другу. Просто они оба отлично понимали, что у них нет, и скорее всего не будет иных вариантов, что "провидение" как специально свело их, дабы не остаться ему бобылём-калекой, а ей старой девой-уродиной.

Нюра росла фактически без родителей. Мать, нагуляла её от проезжих демобилизованных фронтовиков, остановившимися на ночлег в их доме (по другой версии она была изнаси-

лована теми демобилизованными). Так или иначе, но ту тайну мать Нюры унесла с собой в могилу, оставив девятилетнюю дочь круглой сиротой. До пятнадцати лет Нюра жила у тётки, после чего та ей откровенно сообщила, что дальше кормить её в ущерб своим детям не может. Но всё же на улицу она племянницу не выгнала, а определила на работу, где робкая неказистая девочка и выучилась нехитрому малярному ремеслу. В Энергоград она приехала по комсомольской путёвке, да так и осталась.

Поженились Семён и Нюра тихо, без свадьбы, словно опасались, что в пьяном застолье на них будут показывать пальцами и смеяться. Так что и в полку, и на работе у Нюры многие ещё довольно долго не знали, что они законные супруги. К тому же жить молодожёнам поначалу пришлось врозь, он как и прежде в холостяцкой квартире с тремя молодыми лейтенантами, она – в той же общаге. Потом, когда окончательно прояснилось, что квартиру в ближайшем будущем им не дадут, они стали снимать комнату. Квартиру от полка они ждали два с половиной года. Срок для "гражданской" очереди на жильё пустяковый, по меркам военных очередников того времени – немалый. Квартиру предоставили в четырёхэтажном ДОСе, однокомнатную, на первом самом непрестижном этаже. Но это была хоть и старая, но настоящая, благоустроенная квартира с туалетом, ванной, горячей водой – то, о чём как о высшем благе мечтали родители Семёна. С этого момента жизнь Семёна и Нюры окончательно вошла в размеренное русло. В этой спокойной обстановке в 1974 году у Кудашкиных родилась дочь Маша.

Сверхсрочники стали зваться прапорщиками и материальное положение семьи прапорщика Кудашкина год от года улучшалось, несмотря на то, что он занимал весьма скромную, неприбыльную должность, а Нюра оставалась тем же рядовым маляром. Удивительно, но у этих двух тихих, не обладавших крепкой жизненной хваткой людей всегда водились деньги. Вроде и Семён получал денежное довольствие значительно меньше офицеров, и Нюра своей кистью зарабатывала куда меньше чем иные "офицерши" и "прапорщицы" оседлавшие хлебные должности в полковом Военторге или Санчасти, да и побочных доходов они не имели, как "прапора" из вещевого и продовольственной служб. Тем не менее, именно к Нюре часто приходили занимать деньги едва ли не со всего ДОСа. Всё объяснялось просто, ни Семён, ни Нюра, с детства не приученные даже к средним советским стандартным развлечениям и полноценному питанию... Они очень мало тратили, ведя крайне экономный образ жизни. Даже когда супруги уже кое-что и могли себе позволить, они по привычке не покупали слишком дорогостоящие продукты, одежду, мебель. У них был простенький самый дешёвый черно-белый телевизор, они не ходили в кино, не говоря уж о концертах заезжих артистов. Нюра даже отпуска брала частично, а остаток деньгами и работала, ведь ей некуда было ездить – муж к своей родне её не возил, а с тёткой она связь не поддерживала. Впрочем, Семён тоже, после того как съездил на похороны отца, а через полтора года матери, отпуска проводил дома, занимаясь благоустройством своего жилья. Ходил он всё время в форме и другой одежды не имел. Нюра в свою очередь не покупала ни дорогих платьев, белья, обуви, украшений. Стоимость этих вещей по-прежнему её пугала, хотя она уже и средства имела и возможность, как жена военнослужащего отовариваться в Военторге на территории полка, единственной торговой точке в городе, где можно было приобрести качественные импортные товары. Всё это настолько соответствовало их схожему мировоззрению, что не могло вызвать ни у неё, ни у него негативной реакции: Нюра не видела ничего предосудительного в том, что у её мужа нет ни одного гражданского костюма, Семён – что его жена не имеет хорошего выходного платья.

Так и продолжался этот специфический лад и взаимопонимание, до тех пор пока не пришла пора Маше идти в детский сад. Нюра по той же укоренившейся в ней привычке и дочь одевала серо и дёшево. На этой почве в семье произошла первая крупная размолвка, вернее Семён неожиданно выказал нор, которого от него никак не ожидали. Никогда до того не повышавший голоса дома, он кричал на растерявшуюся жену, срывающимся на фальцет голо-

– Не смей больше её в эти мешки наряжать... купи нормальные платья... в долг перестань давать, а её одень!!...

Нюра после некоторого замешательства попыталась оправдаться тем, что зачем, де, лишние деньги переводить, ведь всё равно и одежда и обувь пропадут, дочь растёт и через год-два другое покупать надо... Этим она словно подлила масла в огонь, Семён забыв о своей природной боязливости и звукопроницаемые стены их квартиры, продолжал кричать:

– Пусть, пусть пропадут!... Мы как собаки, родители как собаки... а её не позволю... не позволю, чтобы хуже других была... и на продуктах перестань экономить!! Почему она у нас такая худенькая? Самое вкусное покупай, сервелат, апельсины!...

Вместо того чтобы по обыкновению тихо пообедать он устроил жене скандал. А вечером "сарафанное радио" уже передавало информацию о "выступе" хромого тихушника. А "завёлся" Семён оттого, что следуя со службы домой мимо детсада увидел как жалко выглядит его дочь рядом с другими детьми военнослужащих. По-хорошему Семён должен был повиниться перед несправедливо ославленной им женой. Но этого не случилось, более того Нюра сразу приняла "к исполнению" критические замечания.

Впрочем, то что Маша стала появляться в детском саду и на детской площадке в нарядных платьицах, платочках, шубке и шапке не изменило её "социального статуса". Нюре о её статусе частенько напоминали во дворе ДОСа и в очередях в Военторге наиболее "борзые" офицерские жёны, а Маше с детской непосредственностью её ровесники, отпрыски "благородных" родителей, стремящиеся удовлетворить естественный инстинкт людского неравенства:

– Мой папа полковник (майор, капитан), а твой прапорщик и мой, что захочет, то твоему и прикажет...

Нюра и сам Семён спокойно воспринимали подобные сентенции в свой адрес – для них их нынешняя действительность стала чем-то вроде сбывшейся мечты о спокойной и относительно сытой жизни, своей крыше над головой. Они очень боялись всё это потерять, опять провалиться в ту яму, из которой только выбрались. От родителей эта унижительная терпимость как-то незримо передалась и Маше, несмотря на то что она не переживала барачного детства, и никогда не ложилась спать на голодный желудок. В тиши своей маленькой квартирке семейство Кудашкиных словно отгораживалось от не очень милосердного к ним окружающего мира, здесь они чувствовали себя в относительной недосыгаемости от ощущения своей многогранной неполноценности. Они прятались от всего того, что их унижало, и более всего от общепринятых норм агрессивно-воинственного коллективизма, господствующего в обществе так называемого "развитого социализма", что для людей неактивных, малообщительных иной раз становились просто невыносимы. Отсутствие нежности во взаимоотношениях Нюры и Семёна с лихвой компенсировалось взаимодоверием. Ведь Нюра трезво себя оценивала и никогда не мечтала о "принце", который будет её "кинематографически" любить, одновременно обеспечивая всевозможными благами. В то же время Семёну чужды были мечты тех лейтенантов, бывших соседей по холостяцкой квартире, чтобы жена одновременно являлась и красавицей и генеральской дочкой. И у Семёна и у Нюры отсутствовал инстинкт присущий большинству людей – хоть как, но "приподняться" над как можно большим числом себе подобных. Потому они и прятались в стенах своей квартиры от этой вечной суеты, борьбы за так называемое повышение своего социального статуса.

Когда по вечерам Кудашкины всей семьёй сидели на диване у телевизора, Маша обычно располагалась между родителями, как бы осуществляя функцию скрепляющую, цементирующую семью. Она впитывала с обеих сторон ту нежность и любовь, которую почему-то Семён и Нюра оказались не в состоянии излить в отношении друг друга. Особенно сильной эта любовь была со стороны отца – Маша стала его принцессой, прекрасным цветком, светом в окне... смыслом жизни. В холе заботе и любви Маша росла милой, симпатичной девочкой. Когда Кудашкины все вместе выходили на люди, то те иной раз просто диву давались от бросающе-

гося в глаза контраста. В воздухе как бы сам-собой повисал безмолвный вопрос: и как же таких паршивых родителей угораздило такую лапушку сотворить?

Всё бы хорошо, но для полнокровной жизни необходимо здоровье, а в семье Кудашкиных лишь Маша была абсолютно здорова. Семён периодически то в большей, то в меньшей степени испытывал последствия аварии – боли в позвоночнике, ноге, голове, быструю утомляемость. Особенно тяжело давались ему ночные дежурства. Увы, хоть и обещали не привлекать его в наряды, но прапорщиков в полку не хватало и в конце-концов Семён вынужден был согласиться два-три раза в месяц ходить дежурным по автопарку или КПП. Он не мог ни возмутиться, ни отказаться, ведь он жил под "домокловым мечом" опасности вылететь из армии не выслужив пенсии. После дежурств Семён приходил домой совершенно больным и потом ещё пару дней не мог войти в нормальный жизненный ритм.

Но если здоровье Семёна давно уже не внушало оптимизма, то хвори обрушившиеся на Нюру, едва ей исполнилось тридцать пять лет стали полной неожиданностью. Никогда не выглядевшая здоровой, но и никогда не жаловавшаяся она, напротив, производила впечатление двужильной. Но тут она стала таять буквально на глазах. Скорее всего, имело место сложение многих "составляющих": полуголодное детство и юность, последствия двадцатилетнего вдыхания ядовитых элементов лаков, красок и растворителей, продлённых и ночных смен в периоды месячных и квартальных штурмовщин... и, наконец, наследственность – и мать и бабка Нюры жили не долго.

Скорее всего, она уже давно испытывала недомогание, но всё переносила "на ногах", молча и никто, ни дома, ни, тем более, на работе ничего не замечал. Но, в конце концов "имунная плотина" стала рушиться – Нюра начала тяжело и беспрестанно болеть. Она болела едва ли не всем чем можно: и по-женски, и туберкулёз, и сердце, и зрение как-то быстро село. Так же тихо, как и жила Нюра угасла в сентябре 1984 года.

5

Глаза оставались одними из не многих органов Кудашкина, что не пострадали при аварии. Более того, его зрение даже после сорока оставалось как и прежде отличным. Данное обстоятельство во многом способствовало тому, что Семён Петрович наряду с официальной должностью, зав складом и ставшей неофициальной техника по ремонту вооружения, исполнял ещё одну неофициальную – пристрельщика карабинов. Не будучи отличным стрелком в период своей срочной службы, он постепенно, стараясь как можно чаще принимать участие в стрельбах, научился поражать мишени со стометровой дистанции только в десятки и девятки. Учтя эти успехи, Кудашкину с семьдесят седьмого года стали поручать пристреливать карабины всего полка. Таким образом, у Семёна Петровича появилась возможность так натренировать руку и глаз, что в восьмидесятых он стал абсолютно лучшим стрелком в полку.

Направляясь на стрельбище для пристрелки карабинов, которые по самым различным причинам начинали вдруг "мазать" даже в опытных руках, Кудашкин теперь брал и "свой". За три пристрелки он выпустил из "своего" десять 9-ти патронных обойм. От обоймы к обойме он улучшал результаты. Последние пять легли строго в десятки – оружие было в норме.

Насколько не походили на окружающее их большинство Семён и Нюра, настолько же нестандартно безо всякой романтики, типа показушных поцелуев на публике, и без излишней теплоты в домашней обстановке, складывалась их семейная жизнь. Но не только в этом заключались отличия. Так Семён из барачного детства вынес не страсть, а отвращение к спиртному. А Нюра так и не приняла за все годы супружеской жизни такой естественной женской привычки – попилить мужа. Конечно, говоря о семейных взаимоотношениях никак нельзя обойти вечную тему... любви. Как и у большинства людей с трудно складывающейся жизнью у них

обоих это чувство как бы было заглушено, не являлось превалирующим в супружеских взаимоотношениях, не поднималось выше довольно прохладной физической близости. Они были верны друг другу, искренне переживали друг за друга. Вся их жизнь сложилась так, что на что-то отвлечённое, возвышенное просто не оставалось сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.